

ТЁПЛЫЙ УГОЛ

фэнтези для уставших взрослых
(Cozy Fantasy)

АНАТОЛИЙ БЕВЗА

Анатолий Бевза

Тёплый угол

<https://litres.ru/74443338>

SelfPub; 2026

Аннотация

Уютное фэнтези о втором шансе, настоящей любви и магии простых вещей.

После развода Вера приезжает в загадочный городок Тихоня, где часы идут в разные стороны, драконы размышляют о смысле жизни, а в старой пекарне хозяйничает говорящий рыжий кот Батон.

Здесь Вера впервые за долгое время чувствует себя дома. Её хлеб хранит воспоминания, возвращает надежду и помогает людям вспомнить то, что действительно важно. Но появление сети «МагФуд», продающей быстрое искусственное счастье, угрожает не только пекарне, но и самой магии города.

А рядом всё чаще оказывается загадочный смотритель леса Тихон, который триста лет боялся снова кого-нибудь полюбить.

Чтобы спасти «Тёплый угол», Вере придётся доказать: настоящее нельзя заменить, счастье нельзя приготовить за секунду, а иногда второй шанс пахнет свежим хлебом и корицей.

Cozy Fantasy о хлебе, памяти, любви и втором шансе для тех, кто немного устал.

Содержание

Глава 1. Перекрёсток	5
Глава 2. Тесто и духи	12
Глава 3. МагФуд и другие катастрофы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анатолий Бевза

Тёплый угол

*Посвящается всем, кто когда-нибудь начинал заново.
И тем, кто пёк хлеб, пока другие покупали булочки.*

Глава 1. Перекрёсток

Автобус остановился так резко, что Вера Сдобова чуть не выпала в проход вместе с тремя чемоданами и разводом.

На указателе было написано: «Тихоня. Городок на перекрёстке миров. Население: сами понимаете. Время: у каждого своё».

Под указателем кто-то приклеил объявление: «Пропала метла. Рыжая. Отзывается на „кис-кис“. Не кормить».

— Конечная, — сказал водитель. — Дальше только пешком. Или на метле, но у нас метлы по расписанию. Сегодня среда — значит, только до ратуши.

Вера решила, что ослышалась. Она вообще последние два часа решала, что ослышалась: когда автобус проехал мимо дракона, машущего крылом, как сосед через забор; когда в салон залетела бабочка размером с ладонь и сказала: «Не забудьте про выход»; и когда за окном мелькнул знак: «Осторожно, четверг. Улицы меняются местами».

Она вышла.

Городок пах морем и корицей. Вера глубоко вдохнула и поняла: это первое место за год, где ей не хочется немедленно вызвать такси обратно. Странно, но приятно.

Площадь была маленькой, вымощенной камнем, который явно помнил ещё ведьмовские шабаши. Часы на ратуше шли в разные стороны: одна стрелка вперёд, другая назад, третья

вообще по диагонали. Под часами сидела старушка и вязала что-то, что, кажется, вязало её само.

Вера оглянулась. Улица вела вниз, к морю. Другая — вверх, к лесу, который выглядел так, будто его рисовал художник, которому не заплатили за реализм: слишком тёмный, слишком густой, слишком... живой.

А прямо перед ней стояло здание. Заброшенная пекарня. Вывеска покосилась, но буквы ещё читались: «Тёплый угол». В окнах — паутина и пыль. На двери — табличка: «Продается. Торг возможен. Магия в подарок».

— Магия в подарок, — повторила Вера. — Ну конечно. За три чемодана и развод — магия в подарок.

На пороге сидел кот. Огромный. Рыжий. Размером с подушку. Морда — наглая. Взгляд — как у аудитора, который нашёл недостачу.

— О, — сказал кот. — Ещё одна. Я уж думал, сегодня обойдётся.

Вера моргнула. Потом ещё раз. Кот не исчез.

— Простите, — сказала она. — Вы... говорите?

— Нет, блин, я пою оперу, — ответил кот. — Ты вообще двери закрывать собираешься? Мухи налетят. А мухи, в отличие от тебя, хоть пользу приносят — их дракон ест.

— Какой дракон?

— Гоша. Вегетарианец. Ест мух и капусту. Не спрашивай. Сам не понимает.

Вера открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Я сошла с ума, — сказала она. — Точно. Это стресс. Развод, переезд, автобус с драконом...

— Дракон — это Гоша, — перебил кот. — Я уже сказал. Ты ещё и глухая? Замечательно. Просто замечательно. Сорок лет бабе, а она дракона от автобуса отличить не может.

— Мне тридцать восемь.

— Выглядишь на все сорок пять. Стресс, дорогуша. Стресс и плохая косметика. Заходи, чего стоишь. Тесто не ждёт, а я ждать не люблю.

Вера машинально шагнула внутрь. Потом остановилась.

— Стоп. Я вообще-то не решила, покупаю ли я это место.

Кот медленно повернулся. Посмотрел на неё. Вдохнул так, будто ему только что сообщили, что рыба подорожала.

— Слушай сюда, Сдобова, — сказал он. — Я триста лет жду нормального пекаря. Триста. Лет. Сначала был Жерар. Жерар сжёг печь. Потом была Люся. Люся поила клиентов приворотным зельем и села в тюрьму. Потом был Валера. Валера оказался культистом и пытался принести печь в жертву. Триста лет, Вера. Триста лет я смотрел на этот цирк. И вот приезжаешь ты. С мукой в волосах, с разводом в анамнезе и с бабушкиным рецептом в третьем чемодане. Так что давай не будем устраивать драму. Ты уже здесь. Я уже здесь. Печь уже гудит. Всё, вопрос закрыт.

Вера уставилась на него.

— Откуда ты знаешь про третий чемодан?

— Я всё знаю. Я кот. Это моя работа.

— Я думала, работа котов — мышей ловить.

— Мыши — это хобби. Работа — следить, чтобы вы, люди, не наделали глупостей. Слушай, у нас тут не академия магии, где можно страдать и рефлексировать три главы. У нас пекарня. Люди приходят за хлебом. Если ты будешь стоять на пороге и философствовать, они уйдут к МагФуду.

— К кому?

— К МагФуду. Сеть. Магический фастфуд. Открылись три месяца назад. Продают булочки быстрого счастья. После них хочется спасти мир и умереть.

Вера сняла пальто. Медленно. Не сводя глаз с кота.

— Ладно, — сказала она. — Допустим, я остаюсь. Что дальше?

— Дальше — тесто, — сказал кот. — И, судя по запаху, у тебя есть бабушкин рецепт.

Вера крепче сжала ручку чемодана.

— Откуда ты...

— Я же сказал. Ты пахнешь корицей, отчаянием и старым пергаментом. Бабушкин рецепт в третьем чемодане. Ты его три раза перекладывала, пока ехала. Первый раз — когда думала о муже. Второй — когда думала о матери. Третий — когда автобус чуть не врезался в дракона.

Вера медленно опустилась на табурет.

— Это очень странный день, — сказала она.

— Привыкай, — сказал кот. — Дальше будет хуже. У нас тут даже чайники имеют лицензию на магию. Кстати, меня

зовут Батон. Не спрашивай почему. Долгая история.

Он запрыгнул на стол, сел и посмотрел на неё. Взгляд — как у прокурора на подсудимого.

— Ну? Чего сидишь? Тесто не ждёт. Или ты думала, что второй шанс — это просто?

— Второй шанс? Я даже первый не успела использовать.

— Тогда начнём с хлеба, — сказал кот. — Хлеб — это как жизнь. Пока не замесишь — не поймёшь. И, кстати, мука у тебя в шкафу слева. Просроченная. Выкинь.

— Ты серьёзно?

— Я всегда серьёзен. Это ты тут улыбаешься, как будто тебе не сообщили, что в пекарне поселился говорящий кот с тремя веками опыта наблюдения за идиотами.

Вера встала. Нашла в третьем чемодане бабушкин рецепт. Развернула пергамент. Пробежала глазами по строчкам. И улыбнулась.

— Ладно, — сказала она. — С чего начнём?

— С муки, — сказал кот. — И с того, что ты больше не одна. К сожалению.

В окне напротив мелькнул тёмный силуэт. Кот резко обернулся и зашипел.

— О, только его не хватало.

— Кого?

— Смотрителя. Тихон Мрачный. Ходит тут, смотрит. Как будто ему больше делать нечего. Хотя, если честно, ему действительно больше нечего делать. Лес у него спокойный.

Дракон — вегетарианец. Ведьма — на пенсии. Скука смертная. Вот он и ходит. Ищет, к чему придраться.

— Он опасен? — спросила Вера.

Кот фыркнул.

— Опасен? Он как просроченный кефир. Вроде и не смертельно, но настроение портит. Не пьёт чай, не ест сладкое, не улыбается. Однажды я видел, как он улыбнулся. Думал, конец света. Оказалось, у него просто судорога.

— Может, он просто стесняется?

— Стесняется? — Кот посмотрел на неё как на полную идиотку. — Дорогуша, он живёт в лесу один. С волками. И волки от него шарахаются. Это не стеснительность. Это диагноз.

Вера покачала головой.

— Тихон Мрачный? Это имя или приговор?

— И то и другое, — сказал кот. — Но ты его не бойся. Он смотрит на тебя, как на просроченную муку, только первые две недели. Потом привыкнет. А потом, — кот зевнул, — потом он начнёт смотреть на тебя, как на свежий хлеб. Но это уже другая история. И, честно говоря, меня от неё тошнит.

Он свернулся клубком на столе и закрыл глаза.

— Разбуди, когда тесто подойдёт, — сказал он. — И, Вера.

— Что?

— Не вздумай влюбиться в зрителя. Он скучный. Ты заслуживаешь кого-то получше. Например, дракона. Гоша, правда, вегетарианец, но зато с чувством юмора.

— У дракона есть чувство юмора?

— У Гоши — да. Он смеётся над твоими шутками. Даже над плохими. Это ли не любовь?

Вера рассмеялась — неожиданно свободно, и сама удивилась, как давно не слышала собственного смеха.

— Добро пожаловать в «Тёплый угол», — сказал кот, не открывая глаз. — Ты справишься. Куда ты денешься.

Глава 2. Тесто и духи

Вера проснулась от того, что кто-то сидел у неё на голове.

Не «кто-то» в переносном смысле. Не «проблемы» или «тревожные мысли». А вполне конкретная рыжая задница весом килограмма четыре.

— Доброе утро, — сказал Батон. — Ты храпишь.

— Я не храплю.

— Ты храпишь, как дракон после капусты. Я всю ночь не спал. Думал, землетрясение. Оказалось, ты.

Вера скинула его с головы. Кот приземлился на пол с достоинством короля, которого только что свергли, но он всё ещё считает себя королём.

— Значит, так, — сказал он. — Слушай внимательно, повторять не буду. Правила пекарни.

— У пекарни есть правила?

— У всего есть правила. У тебя, кстати, тоже. Первое: не плакать над тестом. Тесто чувствует. Второе: не ругаться при печи. Печь обидчивая. Третье: не кормить Гошу после полуночи. Он становится философом.

— Что?

— Ты поймёшь. Четвёртое: если увидишь Асмодея Петровича с лейкой — не спрашивай, зачем ему лейка. Пятое: Тихон Мрачный не пьёт чай. Он его изучает. Не предлагай ему сахар. Он обидится.

— А шестое?

— Шестого нет. Я не люблю круглые числа.

Вера села на диване. Осмотрелась. Пекарня выглядела так, будто здесь взорвалась мука. Пыль, паутина, старые мешки, сломанный стул. И печь. Которая тихо гудела, как сытый кот. Хотя, судя по Батону, сытых котов здесь не бывает.

— Ладно, — сказала Вера. — С чего начнём?

— С муки, — сказал Батон. — Я же говорил. Ты вообще слушаешь или просто киваешь, чтобы я отстал?

Вера нашла муку. Просроченную. Выкинула. Нашла вторую. Тоже просроченную. Выкинула. Нашла третью. С сюрпризом.

— Батон.

— Что?

— В мешке муки кто-то живёт.

Кот подошёл. Заглянул. Принюхался.

— А, это дух. Домовой, но ленивый. Зовут Сеня. Спит там с прошлого века. Не трогай. Проснётся — начнёт жаловаться.

— На что?

— На всё. На погоду. На правительство. На то, что молодёжь пошла не та. На то, что ты купила просроченную муку. Он вообще-то прав, но всё равно неприятно.

Вера аккуратно отложила мешок в сторону.

— Так. А нормальная мука тут есть?

— В подвале. Но туда лучше не ходить.

— Почему?

— Там пауки. Большие. Один из них — бывший муж Аграфены. Говорит, что ушёл от неё «в поисках себя». Нашёл. В подвале.

Вера глубоко вздохнула.

— Я хочу хлеб. Просто хлеб. Это так много?

— Для тебя — нет, — неожиданно мягко сказал Батон. — Для этого города — да. Ты первая за триста лет, кто хочет просто хлеб.

Он запрыгнул на стол.

— Давай. Печь уже гудит. Мука в подвале. Рецепт у тебя. Покажи класс, Сдобова.

Первый хлеб Вера замесила на эмоциях. Плохая идея. Очень плохая идея.

Она думала о муже. О том, как он сказал: «Вера, ты слишком... много». О том, как она собирала чемоданы и не плакала. О том, как мама сказала: «Ну кто в сорок лет начинает жизнь заново?» О том, как она ответила: «Я. И мне тридцать восемь».

Тесто получилось горьким. Не «слегка горьковатым». Не «с пикантной ноткой». Горьким, как обида, которую три года держали в себе.

Вера попробовала. Поморщилась.

— Что это?

— Это ты, — сказал Батон. — Твоя обида. В чистом виде. Клиенты такое не едят.

— И что делать?

— Не знаю. Это твоя обида. Может, выкинуть? Может, оставить? Может, отдать Асмодею Петровичу? Он такое любит. Говорит, напоминает ему молодость.

Вера посмотрела на тесто. Потом на печь. Потом на кота. И выкинула.

Потом замесила второе. На этот раз — думая о бабушке. О её кухне. О том, как та говорила: «Не торопись, Верочка. Тесто чувствует, когда ты спешишь».

На этот раз тесто было тёплым и податливым; от него пахло бабушкиной кухней и спокойствием.

— О, — сказал Батон. — Уже лучше. Ты почти не безнадёжна.

— Почти?

— Ну, я стараюсь быть честным. Не привыкай.

Вера поставила тесто подходить. Села на табурет. И только тогда заметила, что в дверях кто-то стоит.

Старушка. Маленькая, сухонькая, в платке. Глаза — как у ястреба.

— Здравствуй, — сказала она. — Ты новая?

— Вера. Пекарня теперь моя.

— Аграфена, — представилась старушка. — Ведьма на пенсии. Кур развожу. Сплю плохо. Сделай что-нибудь.

— Что-нибудь?

— От бессонницы. Ты же пекарь. Пекари умеют.

Вера открыла рот. Закрыла. Посмотрела на Батона. Кот пожал плечами. Ну, как пожал плечами кот. Сделал такое лицо, будто сказал: «Ну а ты что хотела?»

Вера вспомнила бабушкин рецепт. Печенье с лавандой и мёдом. «Для тех, кто не может уснуть». Испекла. Быстро. На одних инстинктах.

Аграфена попробовала. Замерла. Закрыла глаза.

— Ох, — сказала она. — Ох ты ж.

— Что? — испугалась Вера. — Плохо?

— Хорошо, — сказала Аграфена. — Слишком хорошо. Я сейчас усну прямо здесь. А мне ещё кур кормить.

Она достала из кармана серебряную монету. Положила на стол. Монета тихо растаяла, оставив после себя запах лаванды.

— Спасибо, — сказала Аграфена. — Буду заходить.

И ушла.

Вера посмотрела на стол. На то место, где была монета. На Батона.

— Что это было?

— Оплата, — сказал кот. — Магическая. Она заплатила тебе не деньгами. Она заплатила тебе временем. Ты теперь на час моложе.

— Что?

— Шучу. Или нет. В этом городе никогда не знаешь. Но монета — хороший знак. Значит, получилось.

— Я просто испекла печенье.

— Ты просто испекла печенье, которое усыпило ведьму, которая триста лет страдала бессонницей. Да, ты просто испекла печенье, Сдобова. Скромность — твоё всё.

Вера улыбнулась. А потом в пекарню вошли ещё клиенты.

К вечеру Вера поняла три вещи. Первая: она устала. Вторая: она счастлива. Третья: в этом городе каждый второй — бывший кто-то. Бывшая ведьма. Бывший фамильяр. Бывший тёмный лорд.

Асмодей Петрович зашёл в пять. Высокий, худой, в фартуке. С геранью под мышкой.

— Слышал, у тебя хлеб, — сказал он. — Дай буханку.

— Вы... тёмный лорд?

— Бывший, — поправил он. — Теперь садовник. Герань развожу. И, кстати, тёмный лорд на пенсии — это как дракон на диете. Страшно, но уже не так.

Вера дала ему хлеб. Он откусил. Замер.

— Божественно, — сказал он. — Ты вложила в тесто надежду.

— Я вложила в тесто бабушкино воспоминание.

— Это и есть надежда, дорогая. Не путай.

Он расплатился. Ушёл. И на пороге сказал:

— Если МагФуд придёт — не бойся. Они все уходят. Рано или поздно.

— МагФуд?

Но Асмодей уже ушёл.

Батон вздохнул.

— Ну вот. Он это сказал. Теперь точно придёт.

— Кто?

— МагФуд. Сеть магического фастфуда. Они открываются везде, где чувствуют настоящую магию. Твой хлеб — настоящий. Значит, они уже едут.

Вера посмотрела в окно. На площади, напротив пекарни, рабочие в ярких футболках устанавливали киоск. Яркий. Красный. С надписью: «МагФуд. Счастье за секунду».

— Это плохо? — спросила она.

— Это ужасно, — сказал Батон. — Но, с другой стороны, у них есть картошка фри. Так что не всё так однозначно.

Вечером пришёл Тихон.

Вера не слышала, как он вошёл. Просто подняла глаза — а он уже стоит. В дверях. Молчит.

Высокий. Тёмные волосы. Глаза — как лес: глубокие, тёмные, непонятные. Плащ. Сапоги. Всё как полагается смотрителю леса, который явно читал инструкцию «Как выглядеть загадочно» и следовал ей буквально.

— Добрый вечер, — сказала Вера.

Он кивнул.

— Хлеб.

— Какой?

— Простой.

Вера дала ему простой хлеб. Он взял. Посмотрел. Откусил. Молча.

— Вкусно? — спросила Вера.

Тихон изучал её так сосредоточенно, что Вера снова вспомнила Батоново сравнение с просроченной мукой.

— Ты вложила в тесто обиду, — сказал он. — Потом выкинула. Потом вложила воспоминание. Потом надежду. Я чувствую.

Вера невольно задержала дыхание.

— Вы... чувствуете?

— Я смотритель леса. Я чувствую всё, что растёт и что умирает. И то, что в тесте. Тоже.

Он откусил ещё раз.

— Хороший хлеб, — сказал он. — Не отравишь.

И ушёл.

Вера посмотрела на Батона. Кот сидел на столе. Смотрел на дверь. Морда — как у человека, который только что увидел, как его худший враг выиграл в лотерею.

— Что это было? — спросила Вера.

— Это он так флиртовал, — сказал Батон. — И не вздумай это поощрять. Он скучный.

— Он сказал, что мой хлеб хороший.

— Он сказал, что ты не отравишь. Для Тихона Мрачного это как признание в любви. Но не обольщайся. Он такой со всеми.

— Со всеми?

— Ну, с теми, кто печёт хлеб. Таких, правда, было трое. Жерар, Люся и Валера. Так что у тебя, скажем так, не самая сильная конкуренция.

Вера рассмеялась.

— Батон.

— Что?

— Спасибо.

Кот замер. Посмотрел на неё. Отвёл взгляд.

— Не привыкай, — буркнул он. — Я не добрый. Я просто не хочу, чтобы печь снова сожгли. У меня там лежанка.

Он спрыгнул со стола и пошёл к печи. Свернулся клубком. Закрыв глаза.

— И, Вера.

— Что?

— Не вздумай влюбиться в зрителя. Я серьёзно. Он скучный. И у него нет чувства юмора.

— А у тебя есть?

— У меня есть я. Этого достаточно.

Вера улыбнулась. Посмотрела на печь. На тесто. На киоск «МагФуд» в окне. И поняла, что завтра будет интересно.

Глава 3. МагФуд и другие катастрофы

Утро началось с запаха. Не корицы. Не дрожжей. Не моря. Пахло жареным. Искусственным. Приторным. Как будто кто-то решил изобрести счастье в лаборатории и переборщил с сахаром.

Вера вышла на крыльцо и замерла. Киоск «МагФуд» сиял так, что слепило глаза. Красно-жёлтый, с гигантской вывеской: «Счастье за секунду. Первая булочка — бесплатно». Очередь стояла до ратуши. Часы на ратуше смотрели на это безобразие и, кажется, шли ещё медленнее от отвращения.

Батон сидел на подоконнике. Морда — как у человека, который увидел, что его бывшая вышла замуж за его же начальника.

— Ну вот, — сказал он. — Началось.

— Может, не всё так плохо? — сказала Вера. — Может, они просто... булочки.

Батон медленно повернул голову.

— Булочки, — повторил он. — Ты сейчас серьёзно? Ты, женщина, которая вчера испекла хлеб, от которого Асмодей Петрович прослезился? Ты называешь это «просто булочки»?

— Я просто пытаюсь быть позитивной.

— Позитив — это когда всё хорошо. А это — когда всё плохо, но ты делаешь вид, что не замечаешь. Разные вещи.

Вера вздохнула.

— Пойду посмотрю.

— Иди, — сказал Батон. — Только потом не говори, что я не предупреждал. И, Вера.

— Что?

— Не ешь их еду. Она вызывает зависимость. И понос.

Киоск был яркий. Слишком яркий. Как будто кто-то взял радугу, выжал её и намазал на стены.

За прилавком стоял парень в футболке с надписью «Счастье — это просто». Улыбка у него была такая широкая, что, казалось, приклеена. Возможно, так и было.

— Добро пожаловать в МагФуд! — сказал он. — Первая булочка бесплатно! Хотите попробовать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.